

По поводу одной старой рукописи.

Просматривая, недавно, семейныя бумаги, я нашла, между ними, довольно объемистую рукопись, написанную стариннымъ почеркомъ моего покойнаго отца — Игнатія Ивановича Гозадинова, скончавшагося въ 1865 году.

Заинтересовавшись находкой, я поспѣшила познакомиться съ содержаніемъ рукописи и нашла ее далеко не лишеною занимательности. Это безхитростный рассказъ, — если не очевидца, — то, во всякомъ случаѣ, человѣка, близко стоявшаго къ главнымъ дѣятелямъ одного quasi историческаго событія, именно: переселенія 50 тыс. христіанъ (грековъ и армянъ) изъ Крыма въ такъ называвшуюся тогда Азовскую губернію (теперь Екатеринославскую). Переселеніе это происходило въ 1777 и 1778 годахъ.

Эмиграція такого значительнаго числа жителей, изъ небольшого Крымскаго полуострова, не могла не подорвать матеріальнаго благосостоянія тогдашнихъ властителей Крыма и тѣмъ ускорила паденіе крымскаго ханства. Вотъ, что пишетъ объ этомъ событіи графъ Румянцевъ-Задунайскій, бывший тогда генераль-губернаторомъ Малороссіи, въ своемъ донесеніи Императрицѣ Екатеринѣ: „Выходъ христіанъ изъ Крыма можетъ почестся окончательнымъ присоединеніемъ сей знатной провинціи“.

Инициаторомъ этого переселенія былъ митрополитъ Игнатій Гозадино, который, по назначенію константинопольскаго патріарха, управлялъ, въ то время, крымской епархіей, носившей названіе Готѣейско-Кефайской. Это былъ человѣкъ высокаго ума, замѣчательный по энергіи и по способности къ самопожертвованію, ради служенія своей идеѣ. А идея, вдохновляв-

шая его, въ его дѣятельности, состояла въ томъ, чтобъ возродить отатарившихся крымскихъ грековъ, подавленныхъ господствующимъ, но мало культурнымъ азіатскимъ народомъ, и сдѣлать ихъ опять достойными сынами Эллады. Съ этой цѣлью, онъ предпринялъ вывести ихъ изъ Крыма и перейти, вмѣстѣ съ ними, въ подданство Россіи.

Исполнителями этого смѣлаго и рискованнаго предпріятія были—онъ самъ и племянникъ его—Иванъ Антоновичъ Гозадиновъ—отецъ автора рукописи.

Рукопись эта носитъ заглавіе: „Еще нѣсколько словъ объ Игнатіѣ, митрополитѣ Готѣейско-Кефайскомъ и его паствѣ“. Она дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ я предлагаю вниманію читателей только первую. Говорить о „его паствѣ“, т.-е. о грекахъ, населившихъ г. Маріуполь и окружающія его селенія, я нахожу теперь уже несвоевременнымъ, такъ какъ теперешніе маріупольскіе греки, изъ того полу-азіатскаго народа, какимъ зналъ ихъ авторъ рукописи, уже гораздо позднѣе ихъ переселенія въ Россію, сдѣлались просвѣщенными европейцами, но болѣе русскими, чѣмъ греками. Воспитывая своихъ дѣтей въ русскихъ гимназіяхъ и университетахъ, они, по-немногу, утрачиваютъ свою греческую національность, и гордая патріотическая мечта моего прадѣда не осуществилась. Мы видимъ, что даже родной внукъ его—авторъ рукописи,—сынъ горячо любимаго имъ племянника Ивана Антоновича, — былъ гораздо болѣе русскимъ, чѣмъ грекомъ. Онъ былъ горячимъ *русскимъ* патріотомъ и владѣлъ русскимъ языкомъ, какъ природнымъ.

Рукопись написана, впрочемъ, немного устарѣлымъ языкомъ, какимъ писали въ первой половинѣ минувшаго столѣтія. Я оставляю неприкосновеннымъ слогъ подлинника, исключая, только, тѣ случаи, когда приходилось сокращать его, а приходилось довольно часто, такъ какъ это скорѣе матеріалъ, который предстояло еще обработать. Повидимому, авторъ не успѣлъ этого сдѣлать: она была написана въ послѣдній годъ его жизни.

Мнѣ кажется, я не ошибаюсь, думая, что главная цѣль его труда была „воздать,—какъ онъ говоритъ,—должную дань хвалы своему дѣду“, о которомъ онъ, всю жизнь, сохранялъ благоговѣйную память, и заслуги котораго не были — по его словамъ—оцѣнены ни правительствомъ, ни соплеменниками.

Е. I—ва.

Нѣсколько словъ о митрополитѣ Игнатіѣ Гозадино, послѣднемъ носившемъ титулъ — митрополита Готѣейскаго и Кефайскаго. † 1786 году.

Когда-то—около полувѣка тому назадъ—я собирался написать исторію переселенія христіанъ изъ Крыма въ Азовскую (нынѣ Екатеринославскую) губернію. Тогда мнѣ было легко это сдѣлать: я обладалъ многими письменными документами, относящимися къ этому событію, и сохранялъ, въ мслодой еще памяти, множество преданій, слышанныхъ мною отъ очевидцевъ и, особенно, много рассказовъ покойнаго отца моего, главнаго сподвижника митрополита въ дѣлѣ вывода христіанъ изъ крымскаго ханства. Но, подумавъ, что мнѣ придется говорить о многихъ самоотверженныхъ подвигахъ отца моего и дѣда, я отказался отъ своего намѣренія, боясь, что меня обвинять въ пристрастіи. Лжи такъ много на свѣтѣ, что и истину могли бы принять за ложь.

Раздумавши самъ писать, я молилъ Бога, чтобы кто-нибудь, хорошо освѣдомленный, взялъ на себя трудъ изложить въ печати исторію этого переселенія, и чтобы, такимъ образомъ, сохранилась, въ отечественныхъ бытописаніяхъ, память о достоуважаемомъ подвигѣ дѣда моего — Игнатія, митрополита Готѣейскаго и Кефайскаго.

Желаніе мое осуществилось, и я имѣлъ удовлетвореніе прочитать слѣдующія о немъ статьи: 1) Гавріила — архіепископа херсонскаго и таврическаго, въ Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей, томъ 1-й 1861 года; 2) статскаго совѣтника Скальковскаго — Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края; 3) г. Θ. X.—Иллюстрація 1861 года № 170; 4) Протоіерея С. Серафимова—въ Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ 1862 года № 3.

Очень можетъ быть, что были и другія статьи, о которыхъ я не имѣю свѣдѣній ¹⁾.

¹⁾ Въ позднѣйшее уже время (въ 1892 году) было издано въ г. Маріуполѣ книга, озаглавленная „Маріуполь и его окрестности“. Это отчетъ объ одной ученической экскурсіи, предпринятой по инициативѣ бывшаго директора маріупольской гимназіи — Григорія Ивановича Тимошевскаго для ознакомленія учащихся съ роднымъ имъ городомъ и его древностями. Экскурсія эта продолжалась нѣсколько дней, и каждый день начинался лекціей, прочитанной однимъ изъ членовъ Педагогическаго Совѣта. Въ 1-й лекціи говорится довольно подробно о переселеніи крымскихъ грековъ въ приазовскія степи и о виновникѣ этого переселенія митрополитѣ Игнатіѣ. Къ статьѣ приложенъ и портретъ митрополита—„Основа-

Послѣ статей этихъ достойныхъ всякаго довѣрія авторовъ, казалось бы, мнѣ ничего не остается, какъ чувствовать къ нимъ искреннюю признательность за должную дань хвалы, воздаваемой ими моему дѣлу; но, какъ о. Серафимовъ, такъ и г. Ө. Х. выражаютъ сожалѣніе, что имъ ничего неизвѣстно о родѣ и происхожденіи митрополита, о мѣстѣ его родины, о его дѣтствѣ и воспитаніи и т. д. Въ этомъ я прочиталъ вопросъ, на который не считаю себя въ правѣ не отвѣтить. Кромѣ того, эти авторы указываютъ на то, что, хотя онъ (митрополитъ) не малую пользу принесъ какъ крымскимъ грекамъ, такъ и Россійскому государству, но не былъ, не только, вполне оцѣненъ, но еще претерпѣлъ много непріятностей и огорченій. Чтобъ разъяснить этотъ фактъ и отвѣтить на вопросы, я рѣшаюсь, теперь, приступить къ повѣствованію, присовокупивъ къ изложенному, въ выше поименованныхъ статьяхъ, нѣкоторыя подробности, основанныя на воспоминаніяхъ моего отца и другихъ, извѣстныхъ мнѣ лицъ. (Къ сожалѣнію, письменные документы, относящіеся къ описываемому событію, затеряны. Я передалъ ихъ высокопреосвященному архіепископу херсонскому и таврическому — Иннокентію, по личной его просьбѣ, такъ какъ онъ собиралъ тогда матеріалы, чтобы написать что-нибудь „дѣльное“, какъ онъ говорилъ. Но намѣренія своего, онъ, повидимому, не могъ или не успѣлъ осуществить).

Начну съ того, что фамилія наша не Хозадино, какъ пишетъ Скальковскій, о. Гозадино. Въ доказательство, я приведу рассказъ, который, не разъ, слышалъ я отъ своего отца. На одномъ изъ острововъ Архипелага, небольшомъ островѣ Өерміа (отъ слова Өерміа—теплота, названіе, данное ему отъ имѣющихся тамъ теплыхъ источниковъ), въ роцѣ, а можетъ быть, въ лѣсу, существовала, во время жительства тамъ моего отца,—а можетъ быть и теперь существуетъ,—церковь св. Саввы, построенная въ древнія времена. Надъ входной дверью этой церкви на мраморной плитѣ, между различными эмблемами, находится слѣдующее начертаніе: „ὄμις τοῦ Γοζαδίνου“, непереводимое на русскій языкъ, такъ какъ иностранныя фамиліи множественнаго числа не могутъ имѣть. Очень можетъ

теля г. Мариуполя“. Кажется, это копія портрета, находящагося въ актовомъ залѣ гимназіи. Жаль, что въ статью вкрались нѣкоторыя неточности. Напримѣръ, въ родословной митрополита, упоминается о какомъ-то дядѣ его—капитанѣ Иванѣ Антоновичѣ. Лицо, носившее это имя и званіе, былъ не дядя, а племянникъ митрополита и его сподвижникъ; и другого лица этого имени не было.

Примѣчаніе Е. Г—вой.

быть, что эта фамилія происходитъ отъ какого-нибудь слова, имѣющаго значеніе на одномъ изъ европейскихъ нарѣчій, но мнѣ такое слово неизвѣстно ¹⁾).

На этотъ островъ — въ глубокой древности — переселились наши предки изъ „Европы“, какъ говаривалъ мой отецъ. Конечно, онъ очень хорошо зналъ, что и Архипелагъ, и Крымъ находятся въ Европѣ; тѣмъ не менѣе, если онъ хотѣлъ сказать что-нибудь о Венеціи, Флоренціи или иномъ какомъ итальянскомъ городѣ, то всегда говорилъ: „Когда я былъ въ Европѣ“... или „Я видѣлъ въ Европѣ“... и т. д.

На этомъ-то островѣ и родились какъ дѣдъ мой—митрополитъ Игнатій Гозадино, такъ и племянникъ его—мой отецъ—Иванъ Антоновичъ Гозадиновъ.

Приращеніе „въ“ было сдѣлано въ патентѣ отца на первый чинъ—поручика, по переселенію его въ Россію и по поступленію на русскую службу.

Въ бумагахъ моихъ сохраняется родословная нашей семьи; она начинается очень изъ далека, но я для краткости — начну съ дѣда моего дѣда. Онъ назывался также Игнатіемъ; у него былъ сынъ Константинъ, а у этого три сына: Антонъ, Іаковъ (впослѣдствіи митрополитъ Игнатій) и другой Антонъ.

Старшій Антонъ имѣлъ двухъ сыновей: Ивана—моего отца и Александра, у котораго былъ сынъ, названный, также какъ и я, Игнатіемъ, въ память дѣда — святителя. Такъ какъ и у меня, и у моего двоюроднаго брата — Игнатія Александровича нѣтъ сыновей, то нами кончается нашъ древній родъ ²⁾).

Іаковъ, въ дѣтствѣ, былъ отвезенъ на Аѳонскую гору и оставленъ тамъ у одного дальняго родственника — инока, для

¹⁾ Если фамилія наша происходитъ отъ какого-нибудь слова, то развѣ только итальянскаго; во всякомъ случаѣ, она, несомнѣнно, итальянскаго происхожденія. Многія старинныя итальянскія фамиліи оканчиваются на „ino“, и во множественномъ числѣ, „ini“ (напр., въ Римѣ — извѣстный дворецъ-музей Palazzo Barberini). Несомнѣнно, также, что наши предки были выходцы изъ Италіи. Въ Болоньѣ и теперь есть лица, носящія фамилію Gozadini; одинъ изъ нихъ—графъ Гозадини—былъ директоромъ музея въ этомъ городѣ.

Переводъ греческой надписи на русскій языкъ, дѣйствительно, неудобенъ; но она такъ и просится на итальянскій: „figlio dei Gozadini“.

Примѣчаніе Е. Г-вой.

²⁾ Повидимому, покойный отецъ мой не зналъ, что Игнатій Александровичъ имѣлъ, отъ поздняго второго брака, сына Александра, которому и суждено быть продолжителемъ нашего рода.

Примѣчаніе Е. Г-вой.

воспитанія. Тамъ, проникшись святостью христіанской религіи, онъ поступилъ, въ молодыхъ еще лѣтахъ, въ монашество, подъ именемъ Игнатія. Тамъ же онъ прошелъ всѣ степени духовной іерархіи, до епископскаго сана. Потомъ, онъ былъ вызванъ въ Константинополь, въ члены вселенскаго патриаршаго синклита и удостоенъ сана архіепископа; когда же открылась въ Крыму ваканція, былъ назначенъ на нее епархіальнымъ митрополитомъ, въ 1771 году. Крымская епархія, составившаяся изъ нѣсколькихъ первоначальныхъ епископій (Фульської, Сагдайской и другихъ), носила тогда наименованіе Готейской (т.-е. Готской) и Кефайской, и кафедра ея была сперва въ Кафѣ (нынѣшней Теодосіи), а потомъ въ Бахчисараѣ.

Теперь, мнѣ кажется, я удовлетворилъ любопытство лицъ, изъявлявшихъ желаніе знать что-нибудь о происхожденіи и юношескихъ годахъ митрополита, а потому я возвращаюсь къ продолженію повѣствованія.

Проводя, до назначенія въ Крымъ, свою жизнь сперва на Аѳонѣ, а потомъ въ Константинополѣ, въ уединенной монашеской кельѣ, святитель зналъ только по слухамъ о притѣсненіяхъ, вездѣ претерпѣваемыхъ христіанами отъ всегдашнихъ враговъ христіанства — мусульманъ. Когда же, переселившись въ Крымъ, онъ увидѣлъ собственными глазами, каково было положеніе его несчастныхъ соплеменниковъ, — онъ пришелъ въ ужасъ и далъ себѣ обѣтъ — освободить свою паству отъ варварскаго ига, не щадя для этого, — если будетъ нужно, — даже самой жизни своей. Прежніе гордые сыны Эллады, поселившіеся, уже давно, въ этомъ благословенномъ уголкѣ (первыя греческія колоніи, на берегу Чернаго моря, были основаны за нѣсколько столѣтій до Р. Хр.), были теперь народцемъ подавленнымъ, униженнымъ, усвоившимъ нравы, обычаи, одежду и языкъ новыхъ властителей Крыма — сперва татаръ, овладѣвшихъ еще въ XIII вѣкѣ сѣверною частью полуострова, а затѣмъ и турокъ, занявшихъ, послѣ покоренія Византіи, въ XV вѣкѣ, южную часть его.

Какова же была жизнь бѣдныхъ грековъ, совершенно пораженныхъ азіатскими народностями?

Дабы всякій могъ судить объ этомъ, я приведу одинъ — другой примѣръ, переданный мнѣ старичкомъ — очевидцемъ, бывшимъ во время оно — мальчикомъ при митрополитѣ. Приходитъ одинъ грекъ къ его преосвященству и, со слезами, говоритъ: „Эфенди! (такъ величаютъ турки и татары знатныхъ особъ) Эфенди! мой четырехлѣтній сынъ, услышавъ, какъ му-

одзинъ кричитъ на минаретѣ: Магомедъ ирресулъ алла, самъ закричалъ тоже; татары схватили ребенка и, сказавъ, что онъ перешелъ въ исламъ, омусульманили его“. „Эфенди! взываетъ другой, татаринъ выбилъ, на улицѣ, изъ своей трубки, остатокъ еще горѣвшаго табаку, чтобъ закурить, отъ него, вновь набитую трубку. Мой старый и почти слѣпой отецъ, не замѣтивъ этого, наступилъ на огонь. Увидя въ этомъ оскорбленіе для себя, татаринъ, не долго думая и не говоря ни слова, застрѣлилъ его, какъ собаку“.

Не буду приводить другихъ случаевъ, въ такомъ же родѣ: ихъ было, безъ конца, много. „Сынъ мой, говоритъ владыко каждому, приходившему къ нему, ваши жалобы сокрушаютъ меня; но что я могу сдѣлать съ этими извергами — истинными врагами христіанъ? Если хотите, я готовъ пойти пѣшкомъ въ Петербургъ и, на колѣнахъ, умолять всемилостивѣйшую Монархиню Россіи взять васъ въ свое царство. Тамъ вы не будете претерпѣвать подобныхъ притѣсненій“. Тогда, всѣ, приходившіе съ жалобами, падали къ ногамъ владыки, умоляя его привести этотъ планъ въ исполненіе и увѣряя, что они оставятъ безъ сожалѣнія все свое имущество, „лишь бы, говорили они, жизнь наша и вѣра уцѣлѣли, а остальное можно приобрѣсти“.

Святитель, конечно, не совсѣмъ вѣрилъ ихъ словамъ; онъ зналъ, что такъ говорить заставляетъ ихъ только-что пережитое горе, и что, когда оно немного забудется, они забудутъ также свои рѣчи. Тѣмъ не менѣе, онъ завелъ переписку съ Суворовымъ, — защищавшимъ тогда перекопскія укрѣпленія отъ турокъ—и съ его начальникомъ—Румянцевымъ, наконецъ, самъ поѣхалъ въ Петербургъ, для личныхъ переговоровъ съ Потемкинымъ ¹⁾.

¹⁾ Митрополитъ увхалъ тайкомъ; кажется, его вывезли въ бочкѣ. Въ библиотекѣ Одесскаго общества исторіи и древностей, сохраняется любопытный дневникъ протоіерея Трифиллія, бывшаго главнымъ помощникомъ митрополита въ дѣлахъ управленія епархіей. Дневникъ написанъ на татарскомъ языкѣ (на которомъ говорили крымскіе греки), но греческими буквами. „Мы, пишетъ Трифиллій, натерпѣлись, тогда, великихъ страховъ отъ татаръ; прятались, гдѣ могли: въ потаенныхъ комнатахъ и даже шкафахъ. Чтобъ перевезти митрополита изъ Кафы въ Бахчисарай (въ 1772 году), я выпросилъ у визиря стражу изъ донскихъ казаковъ. Когда мы проѣзжали Карасу-Базаръ, нѣкто по имени Ширинъ-мурза, производившій въ тѣхъ мѣстахъ разбой, покушался умертвить насъ. Мы бѣжали и спаслись въ домѣ другого мирнаго мурзы. Потомъ, убили стражу и сдѣлали набѣгъ на мой домъ. Но Господь насъ спасъ и

Совпало ли это начинаніе святителя съ политикой императорскаго кабинета или оно подадо мысль, что эмиграція христіанъ облегчить возможность завладѣть Крымомъ—не знаю, а знаю только, что ходатайство моего дѣда увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Крымскимъ христіанамъ было разрѣшено переселиться въ Россію; имъ было обѣщано покровительство могущественной, единовѣрной державы и всевозможныя льготы.

Хотя, съ этой стороны, святитель былъ уже успокоенъ и обнадеженъ, но, съ другой — какъ осуществить этотъ планъ—онъ былъ въ большомъ затрудненіи. Въ кругу своихъ приближенныхъ, онъ не видѣлъ никого, кто могъ бы раздѣлить съ нимъ труды и опасности его смѣлаго предпріятія. Подумавъ, онъ рѣшился вызвать изъ отечества сына своего брата—моего родителя—Ивана Антоновича.

Отецъ мой—тогда 20-ти-лѣтній юноша—сочувствуя благимъ предначинаніямъ своего дяди и, кромѣ того, лстя себя надеждою отличиться, оставилъ свою родину и, взявъ изъ своего имущества, что было возможно, прибылъ въ Крымъ и принялся за дѣло, со всею горячностью, свойственной столь юному возрасту (святитель звалъ его тогда Янаки-Ванюша, и это ласкательное имя, данное дядей племяннику — почти ребенку — осталось за нимъ на всю жизнь; греки и татары звали его — до самой смерти — не иначе, какъ Янаки-ага, и даже меня — впоследствии — Янаки-ага оглу — сынъ господина Янаки. Объ этомъ незначительномъ фактѣ можно было бы не упоминать, но онъ указываетъ на одну черту въ характерѣ святителя: подъ суровымъ видомъ аскета, онъ сохранялъ нѣжное сердце, доступное теплымъ родственнымъ чувствамъ).

Какъ предвидѣлъ святитель, такъ и случилось.

Когда дѣло дошло до развязки, то христіане, особенно тѣ, которые были богаче, а слѣдовательно, и вліятельнѣе—преимущественно армяне, — стали упорствовать. Они не хотѣли разставаться съ своими домами, садами и другимъ имуществомъ. Къ обидамъ и всякаго рода несправедливостямъ они были

не предавъ въ руки враговъ. Ханъ Дивлетъ-Гирей заперъ насъ во дворѣ хануджіевъ (дворцовая стража). Продержалъ два мѣсяца; затѣмъ взялъ 500 червонцевъ и выпустилъ“.

Этотъ наивный разсказъ прекрасно обрисовываетъ положеніе христіанъ въ Крыму, во время послѣднихъ Гиреевъ. Положеніе какъ ихъ, такъ и тѣмъ болѣе — ихъ духовнаго вождя, было невыносимо и совершенно объясняетъ ихъ выходъ изъ Крыма.

Примѣчаніе Е. Г-вой.

привычны; а предполагать, чтобы, гдѣ-либо, порядокъ вещей былъ лучше — они, по неразвитію своему, не могли. Они вѣрили своей пословицѣ, что „вездѣ, гдѣ водятся рыбы, большая рыба глотаетъ маленькихъ“.

Но дѣло было начато, и нужно было довести его до конца и спасти несчастныхъ христіанъ отъ претерпѣваемыхъ ими бѣдствій, хотя бы, даже, противъ ихъ желанія. Нужно было, только, выждать благопріятнаго момента для начала дѣйствій; и, наконецъ, этотъ моментъ наступилъ ¹⁾.

Въ это время, татары взбунтовались противъ своего хана — Шалинъ-Гирея, за приверженность его къ Россіи и, назвавъ его гяуромъ, рѣшили извести его сперва, а потомъ и всѣхъ другихъ гяуровъ, т.-е. невѣрныхъ.

Вотъ тутъ, впервые, выступаетъ на сцену племянникъ митрополита — юный Янаки.

Дядя возлагаетъ на него очень трудную миссію: онъ долженъ обойти — тайкомъ, конечно — города и тѣ села Крымскаго полуострова, въ которыхъ жили — разбросано между татарами — христіане. Такихъ было 7 городовъ и 25 деревень. Онъ снабжаетъ племянника воззваніемъ отъ своего лица, къ своей духовной паствѣ, приглашая перейти въ подданство Россіи. Въ этомъ воззваніи, онъ, самымъ нагляднымъ для нихъ образомъ, объяснялъ, какое было ихъ тогдашнее положеніе: постоянная опасность жизни, сомнительность состоянія, невозможность открыто исповѣдовать свою вѣру. Въ параллель съ этимъ, онъ указываетъ на ожидающую ихъ въ Россіи благодать: неприкосновенность собственности, полная безопасность жизни и добраго имени, совершеннѣйшая свобода въ отправленіи религиозныхъ обрядовъ — процессій, крестныхъ ходовъ, благовѣста для призыва вѣрующихъ въ церковь.

Отецъ мой, конечно, не могъ собирать людей въ церквахъ, чтобъ тамъ познакомить ихъ съ воззваніемъ ихъ духовнаго пастыря: это было бы слишкомъ рискованно. Онъ собиралъ ихъ

¹⁾ Вслѣдствіе войнъ Россіи съ Турціей, отношенія между греками и татарами еще болѣе обострились.

По Кучукъ-Кайнарджинскому миру, заключенному въ 1774 г., Крымъ былъ объявленъ независимымъ отъ Турціи и пользующимся покровительствомъ Россіи. Отрядъ русскихъ войскъ, подъ предводительствомъ Суворова, занялъ перекопскія укрѣпленія. Россія надвигалась на Крымъ. Крымскіе христіане, конечно, сочувственно относились къ единовѣрной державѣ; много было перебѣжчиковъ и лазутчиковъ изъ грековъ и армянъ, и это — тѣмъ болѣе усиливало ненависть къ нимъ чтилелей пророка.

Примѣчаніе Е. Г-вой.

небольшими группами, въ какихъ-нибудь уединенныхъ мѣстахъ, читалъ имъ воззваніе и отъ себя уже дополнялъ его и разъяснялъ, смотря по степени пониманія слушателей. Вѣроятно, краснорѣчіе его было убѣдительно, такъ какъ всѣ вручали ему письменныя соглашенія на переходъ въ подданство Россіи.

Разсуждая о положеніи христіанъ въ тогдашнемъ крымскомъ ханствѣ, нельзя не придти къ заключенію, что они тамъ были только терпимы, потому что ихъ трудъ и руки были необходимы лѣнивымъ татарамъ. Но если бы обнаружилось, что они хотятъ предаться враждебному государству, они были бы всѣ, поголовно, истреблены. Тутъ возникаетъ, предо мною, цѣлый рядъ вопросовъ. Какъ могло оставаться тайною, что многотысячное населеніе собирается эмигрировать? Какъ ни одинъ христіанинъ не выдалъ тайны, ни одинъ мусульманинъ не заподозрилъ, что готовится такое событіе? И какъ могъ одинъ, прибывшій изъ-за моря, юноша, не знавшій ни мѣстныхъ условій, ни людей, ни языка ихъ (такъ какъ они говорили по-татарски)—какъ могъ онъ объѣхать, кромѣ городовъ, еще нѣсколько десятковъ деревень, расположенныхъ въ горахъ и лѣсахъ, да еще во время мятежа среди татаръ, въ такой странѣ, гдѣ, и въ обыкновенное время, жизнь каждаго христіанина зависѣла отъ произвола любого магометанина? Вѣрующіе въ промыслъ Божій, на всѣ эти вопросы, отвѣтятъ: „отъ Господа бысть сіе ¹⁾“...

Всѣ эти письменныя соглашенія, вмѣстѣ съ прошеніемъ митрополита на Высочайшее имя, были переданы командовавшему тогда крымскимъ отрядомъ, впослѣдствіи столь знаменитому, Суворову. Тогда же, отецъ мой, учинивъ присягу на вѣрность подданства Россіи, поступилъ подъ начальство Суворова, въ чинѣ поручика, и отправленъ, съ небольшой командою, защищать, гдѣ возможно, христіанъ и наблюдать за мятежническими дѣйствіями татаръ.

¹⁾ Здѣсь авторъ повѣствованія дѣлаетъ отъ него значительное уклоненіе, которое я, для краткости, пропустила. Какъ человѣкъ глубока вѣрующій, онъ убѣжденъ, что всѣмъ на свѣтѣ управляетъ „всемогущая и всеустраивающая Воля“; и опровергаетъ мнѣніе „атеистовъ и материалистовъ“, приписывающихъ все слѣпому случаю. Повидимому, онъ былъ хорошо ознакомленъ съ теоріями философовъ конца XVIII вѣка, но оставался вѣренъ ученію, на стражѣ котораго стоялъ его дѣдъ-святитель.

Примѣч. Е. Г—вой.

Будучи отрѣзанъ мятежниками отъ сообщенія съ россійскимъ войскомъ, онъ долгое время скрывался въ ущельяхъ горъ и скитался въ лѣсахъ, претерпѣвая жестокой голодъ. Чтобъ дать понятіе о претерпѣнныхъ имъ тогда бѣдствіяхъ, я расскажу одинъ эпизодъ, не разъ слышанный мною изъ устъ его. Ёхалъ онъ, въ сумерки, въ извилинахъ густого лѣса, и, вдругъ, услышалъ топотъ коней скакавшихъ, въ томъ же направленіи, всадниковъ. Сообразивъ, что всадники гонятся за нимъ, онъ спрыгнулъ съ лошади, и, хлестнувъ плетью, повернулъ ее головою, направо, а самъ кинулся налѣво и залегъ въ кустарникахъ. Это, дѣйствительно, была погоня, но всадники, обманутые топотомъ бѣжавшей направо лошади, помчались въ въ томъ же направленіи. А онъ, переждавъ нѣкоторое время, побрелъ, побуждаемый сильнымъ голодомъ, до ближайшей деревушки, населенной отчасти татарами и отчасти греками. Здѣсь онъ вошелъ въ домъ знакомаго ему грека—Тодора; но не успѣлъ онъ войти въ комнату и увидѣть тамъ, на столѣ, блюдо свѣже-испеченныхъ пирожковъ (съ какимъ удовольствіемъ онъ съѣлъ бы ихъ!), какъ хозяинъ, схвативъ гостя за руку, а другою рукой длинную веревку съ ведромъ, въ которое положилъ всѣ аппетитные пирожки, повлекъ его окольнымъ путемъ садами къ колодцу, отстоявшему довольно далеко отъ дома. Здѣсь только, онъ заговорилъ: „сейчасъ приѣхалъ въ деревню бей (князь), со своею свитой и закричалъ: „собаки! я знаю, что у васъ скрывается родственникъ кара-баша (черноголоваго—такъ татары называли монаховъ); но онъ не уйдетъ никуда изъ моихъ рукъ. Я поставилъ вездѣ караульщиковъ; и если вы не приведете его ко мнѣ завтра утромъ, то я самъ—иншъ-Аллахъ (съ помощью Божіею) найду его и раздѣлаюсь, и съ нимъ, и съ вами, по-своему“. Передавъ эту угрозу татарскаго бея, добрый грекъ сказалъ отцу: спустись въ колодець; тамъ—выше воды—есть пещера; ты можешь въ ней скрываться, пока бей уйдетъ. При помощи веревки, онъ спустилъ отца въ колодець, а потомъ и ведро съ пирожками. Пещера—или, лучше сказать ниша—была, въ вышину, ниже человѣческаго роста, а въ ширину и въ длину—полтора квадратныхъ аршина. Здѣсь отецъ долженъ былъ сидѣть, не шевелясь, потому что, при малѣйшемъ движеніи, или въ дремотѣ, онъ могъ бы упасть въ глубину колодца и, конечно, погибнуть. Четверо сутокъ искали его татары, не оставивъ неосмотрѣнными ни шкафовъ, ни сундуковъ въ греческихъ домахъ, и все это время, добрый Тодоръ приносилъ ему пищу въ ведрѣ. Почерпнувъ изъ колодца, тѣмъ

же ведромъ, воды, онъ возвращался, какъ ни въ чемъ не бывало, на глазахъ всѣхъ сосѣдей-татаръ.

И дѣдъ мой также, въ это время, спасся, отъ лютой смерти, при помощи одного грека-отшельника. Въ 5 верстахъ отъ Бахчисарая, въ урочищѣ Качи-Кальонъ, были развалины старинной церкви св. Анастасіи (впослѣдствіи восстановленной). Старый монахъ, жившій въ этихъ развалинахъ, укрылъ преосвященнаго въ одной изъ многихъ находящихся тамъ, пещеръ, и, собирая подаянія, кормилъ его въ теченіе 6 недѣль. Татары, уже освѣдомленные обо всемъ, не найдя, скрывавшихся такимъ образомъ, главныхъ руководителей предполагавшагося выселенія и не могли насытиться ихъ кровью, должны были удовлетвориться тѣмъ, что сожгли ихъ домъ, со всѣмъ, что въ немъ было; при этомъ погибъ архіерейскій келейникъ. Домъ этотъ находился на сѣверной окраинѣ Бахчисарая, у подошвы одной изъ скалъ, окружающихъ этотъ городъ. При немъ была церковь св. Николая. Послѣ выхода грековъ, часть скалы упала и раздавила какъ церковь, такъ и домъ, или—лучше сказать—что оставалось отъ дома послѣ пожара.

23 апрѣля 1777 года, въ день великомученника Георгія, который, въ этомъ году, совпадалъ съ днемъ св. Пасхи, послѣ совершенія литургіи, въ пещерной церкви Успенія Богородицы (гдѣ нынѣ Успенскій скитъ), преосвященный говоритъ своей паствѣ о состоявшемся уже соглашеніи между нимъ и русскимъ правительствомъ и убѣждаетъ, немедленно, заняться подготовленіемъ къ выходу изъ Крыма. Впрочемъ, прошеніе на Высочайшее имя было послано—при посредствѣ Суворова—только въ іюлѣ. Теперь уже неутомимый Суворовъ, о которомъ его биографъ—Петрушевскій говоритъ, что онъ „всю душу свою вложилъ въ это дѣло“,—побуждаетъ переселенцевъ къ выступленію. Тогдашній ханъ Шагинъ-Гирей, узнавъ обо всемъ, на первый разъ пришелъ въ ярость, но потомъ примирился съ этимъ фактомъ, сообразивши, что оставленное греками, недвижимое имущество должно попасть въ его руки. Къ тому же Суворовъ выхлопоталъ для него 50 т. рублей вознагражденія и 50 т. для его приближенныхъ. Для переселенцевъ—Суворовъ выхлопоталъ значительное пространство земли (въ Азовской губ.) для ихъ поселенія, продовольствіе отъ казны во время ихъ пути и пока устроятся на новыхъ мѣстахъ, и 6.000 воловьихъ подводъ для перевозки ихъ имущества. Когда все уже было подготовлено, преосвященный служитъ, въ той же Успен-

ской церкви, напутственный молебенъ, и здѣсь происходитъ трогательное разставанье крымчаковъ съ ихъ родиной. Вслѣдъ за тѣмъ, большая партія грековъ оставляетъ Крымскій полуостровъ. Это были, вѣроятно, болѣе состоятельные люди или болѣе недовольные своимъ положеніемъ. Но главная масса переселенцевъ выступила только въ 1778 году ¹⁾.

Очень возможно, что митрополитъ былъ въ первой партіи, но, въ точности, я этого не знаю. Отецъ мой отправился вмѣстѣ со второю. Получивъ отъ Суворова аттестатъ (отъ 10 апр. 1778 г.), въ которомъ было сказано, что, при выходѣ христіанъ изъ Крыма, онъ состоялъ при Суворовѣ и, съ успѣхомъ, исполнялъ различныя его порученія, теперь, онъ поступилъ подъ начальство азовскаго губернатора—Черткова и, подъ руководствомъ митрополита, управлялъ переселенцами во время пути, во время болѣе или менѣе продолжительныхъ стоянокъ и при водвореніи на пожалованной имъ землѣ. Но здѣсь надобно остановиться и рассказать, какъ происходило это переселеніе. Много неудовольствій претерпѣли мой дѣдъ и отецъ за это время. Преосвященный Гавріиль—одинъ изъ бытописателей переселенія христіанъ изъ Крыма,—очень справедливо сравниваетъ его съ переселеніемъ израильтянъ изъ Египта и называетъ Игнатія—вторымъ Моисеемъ. Какъ тотъ протерпѣвалъ, въ пути, различныя оскорбленія, такъ и этотъ—новый Моисей постоянно былъ оскорбляемъ неповиновеніемъ и ропотомъ, освобожденнаго имъ изъ рабства, народа. Былъ и еще одинъ сходственный фактъ, о которомъ преосв. Гавріиль не зналъ.

Израильтяне, во время странствованія, стали поклоняться золотому тельцу, какъ богу; а наши греки придумали себѣ святую, которую называли *καταχα*—т. е. пресвятая (такъ греки называютъ Бородицу) и стали поклоняться ей. Одна полуумная (или, какъ русскіе называютъ, юродивая) дѣвица стала пророчествовать, вѣроятно, по внушенію вѣкоторыхъ лицъ, недовольныхъ переселеніемъ;—она говорила, что если греки, до дня св. Ильи, не отправятся обратно въ Крымъ, то, въ этотъ день,

¹⁾ По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ (за достовѣрность которыхъ, впрочемъ, не ручаюсь), всѣхъ христіанъ въ крымскомъ ханствѣ (во время переселенія) было 50 тысячъ. Изъ нихъ грековъ—30 т. и 20 т. армяно-григоріанъ и армяно-католиковъ. Первые имѣли своего архимандрита—Бедроса. Армяне поселились въ Нахичевани и другихъ городахъ. Какъ происходило ихъ переселеніе—мнѣ не извѣстно.

Примѣч. автора.

сойдетъ съ неба огонь и обратитъ ихъ всѣхъ въ пепель. Невѣжественные люди повѣрили идиоткѣ, и многіе уже собирались въ обратный путь. Отецъ мой съ большимъ трудомъ могъ привести ихъ къ повиновенію.

Изъ этого разсказа видно, что бѣдные наши переселенцы сильно тосковали по родинѣ. Это, конечно, вполне понятно: по неразвитію своему, они уже забыли, какъ плохо имъ жилось на ихъ прекрасной родинѣ, и какъ они сами умоляли своего духовнаго пастыря освободить ихъ — какою бы то ни было цѣною — отъ варварскаго ига мусульманъ.

Но вотъ, странствованіе ихъ окончено, и они достигли предположенной цѣли. Впрочемъ, надобно сказать, что не всѣ выходцы изъ Крыму пришли благополучно въ незнакомый имъ край. Были такіе, которые, съ дороги еще, возвратились въ Крымъ, нѣкоторые, — вѣроятно, болѣе состоятельные, — предпочли поселиться на избранныхъ ими самими мѣстахъ. Наконецъ, какая-то болѣзнь свирѣпствовала между ними и унесла много жертвъ. Остальнымъ предстояло устраиваться на новой родинѣ.

21 мая 1779 г. получается высочайшій указъ, которымъ опредѣляются права переселенцевъ.

Грамата эта, называемая ими на ихъ греческо-татарскомъ языкѣ „привилегъ“ (привилегіи), и сохраняемая, до настоящаго времени, какъ святыня, начинается слѣдующими, высокомиловыми словами: „вѣрнолюбезному намъ преосвященному Игнатію, митрополиту Готѣйскому и Кефайскому, и всему обществу крымскихъ грековъ, всѣмъ вообще и каждому особо, наше императорское милостивое слово“... Далѣе, въ граматѣ излагались всѣ права и льготы, дарованныя переселенцамъ, какъ-то: избавленіе, навсегда, отъ рекрутчины и на 10 лѣтъ отъ всякихъ податей; право имѣть свой собственный греческій судъ и пр.; имъ отводится значительное пространство земли, центромъ котораго были города: Екатеринославъ 1-ый (въ отличіе отъ 2-го — теперяшняго Екатеринослава) и Марианополь — теперешній Павлоградъ. Митрополитъ получаетъ царскую грамату, по которой ему назначается на содержаніе по 3.000 руб. въ годъ, право, до смерти, управлять, выведенной имъ изъ Крыма, паствой и носить титулъ митрополита Готѣйскаго и Кефайскаго.

Напрасно преосвященный Гавріилъ полагаетъ, что дѣдъ мой, „за сей подвигъ“ (выводъ христіанъ изъ Крыма) возведенъ въ санъ митрополита. Онъ посланъ былъ въ Крымъ на митрополитскую кафедру, такъ какъ, еще въ XIV вѣкѣ, эта кафедра

была возвышена въ митрополитскую византійскимъ императоромъ—Андроникомъ Палеологомъ ¹⁾.

Казалось бы, теперь должны прекратиться всѣ волненія. Но тутъ возникаетъ новое затрудненіе, при распредѣленіи мѣстъ для селеній. Иная мѣстность не нравится никому, другую желали бы многія общины. Удовлетворить всѣхъ—нѣтъ никакой возможности. Митрополитъ самъ тоже недоволенъ, отведеннымъ для грековъ, мѣстомъ. Вѣдь онъ мечталъ создать чисто греческую колонію, состоящую изъ города и, вокругъ него, расположенныхъ селъ, совершенно обособленную отъ другихъ національностей; но приходилось селиться разбросанно, между другими городами и селеніями Азовской губерніи. Это было бы совсѣмъ не то, чего онъ желалъ; и вотъ, осенью 1779 года, онъ опять предпринимаетъ продолжительное и трудное путешествіе въ сѣверную столицу, но, на этотъ разъ, уже съ племянникомъ ²⁾.

Не знаю, какими путями, но ему удалось достичь своей цѣли: первоначальный планъ отведенной земли совершенно измѣненъ, такъ какъ въ него не входятъ уже ни Екатеринославъ 1-ый, ни Марианополь. По новому плану, грекамъ предоставлено селиться на берегу Азовскаго моря. Этотъ новый планъ хранится въ Мариупольской городской управѣ; на немъ надпись: „Быть по сему Екатерина“. По срединѣ: „конфирмованъ 2 октября 1779 г.“ А совсѣмъ внизу подпись: Князь Потемкинъ.

Теперь уже греки стали окончательно устраиваться на новыхъ мѣстахъ. Они основали, на берегу Азовскаго моря, городъ Мариуполь, названный такъ въ честь Великой Княжны (позднѣе императрицы) Маріи Ѳеодоровны, и 23 села. Такимъ образомъ закончилось переселеніе грековъ.

Въ награду за понесенные имъ труды, митрополитъ получилъ, осыпанную драгоценными каменьями, звѣзду, при слѣдующемъ письмѣ отъ Суворова ³⁾:

¹⁾ Въ біографіи этого императора, между прочими событіями его царствованія, упоминается—*ἡ Γοβθία* т.-е. Готеія, бывшая архіепископіей, сдѣлалась митрополіей.

Примѣчаніе автора.

²⁾ „Продолжительное и трудное“, говоритъ авторъ повѣствованія. Теперь это кажется смѣшно, но надобно принимать въ соображеніе, что, не только во время переселенія грековъ, но и позднѣе, когда писалась эта статья, и не было еще желѣзно-дорожныхъ сообщеній, поѣздка съ юга на сѣверъ или съ сѣвера на югъ Россіи, была настоящимъ событіемъ.

Примѣчанія Е. Г.—вой.

³⁾ Подлинное письмо сохранялось между семейными бумагами покойнаго отца, также и подробное описаніе *Епиоліона*, которое я сообщу

Преосвященный митрополитъ Игнатій.

Милостивый Государь мой!

Препровождая при семъ Всемилолюбивѣйше Вамъ пожалованный, отъ ея Императорскаго Величества, *Емаліонъ* бриліантовый, изъ кавалерской звѣзды, въ возданіе за отличную Вашу, къ ней, вѣрность и усердіе, особливою поставляю для себя честию изъявить Вашему Преосвященству мое искреннее поздравленіе, что удостоились получить сей существительный опытъ Высочайшаго Ея Величества къ Вамъ благоволенія. Позвольте при томъ, Ваше Преосвященство, испросить Вашего архипастырскаго благословенія и пребыть съ отмѣннымъ высокопочитаніемъ и преданностью.

Милостивый Государь мой,

Вашего Преосвященство

Покорнѣйшій слуга

(Собственоручная подпись) Александръ Суворовъ.

Что касается моего отца, то онъ получилъ повышеніе въ чинѣ. Благодаря Всевышняго за то, что онъ сподобился участвовать въ столь богоугодномъ дѣлѣ (избавленіи христіанъ отъ мусульманскаго ига), онъ все-таки тосковалъ по оставленной родинѣ и подумывалъ туда возвратиться, но не могъ рѣшиться оставить престарѣлаго дядю одного, среди людей, оскорблявшихъ его своею неблагодарностью. Дядя же, со свойственной ему прозорливостью, замѣтивъ его колебанья, чтобъ привязать его къ этому краю, уговорилъ его жениться на дочери одного изъ знатнѣйшихъ тамошнихъ грековъ.

Въ молодой семьѣ любимаго племянника онъ находилъ утѣшеніе во всѣхъ возникавшихъ, постоянно, непріятностяхъ, между нимъ и его паствой, не умѣвшей оцѣнить его. Но онъ не жилъ со своими, — какъ онъ называлъ ихъ, — дѣтьми. „Устраивая свое словесное стадо (говоритъ пресвященный Гавріилъ, на котораго я столько разъ ссылался), самъ онъ жилъ въ ветхой сырой землянкѣ, какъ самый бѣдный изъ его паствы. Позднѣе, онъ купилъ на свои собственныя средства, у одного частнаго лица, дачу, въ 6 верстахъ отъ Мариуполя и тамъ поселился. Желая

дальше въ прибавленіи къ статьѣ. Письмо же передано мною въ мѣстный (Херсонскій) археологическій музей, гдѣ оно сохраняется за стекломъ и въ рамкѣ.

Примѣчанія Е. Г—вой.

обезпечить будущую семью своего племянника, онъ испросилъ въ свое собственное владѣніе, изъ земель, отведенныхъ грекамъ 1.500 десятинъ. Вѣдь имъ пожаловано несравненно болѣе земли, чѣмъ сколько было нужно, и она оставалось незанятою, а позднѣе, на ней селили, кого случалось. Здѣсь, онъ построилъ домъ и развелъ прекрасный садъ, который напоминалъ ему крымскіе сады и который стоилъ ему не мало трудовъ и денежныхъ затратъ. Конечно, не о себѣ онъ заботился; онъ велъ суровый, монашескій образъ жизни и не нуждался въ земныхъ благахъ, но онъ считалъ себя обязаннымъ вознаградить племянника, — оставившаго, по его желанію, родину за понесенные имъ, не легкіе труды, и думалъ оставить ему, въ наслѣдство, благоустроенное имѣніе.

Но неблагодарные греки разорили его прекрасный садъ и тѣмъ омрачили послѣдніе дни его земного существованія. Не долго онъ жилъ послѣ этого прискорбнаго эпизода. Едва лишь успѣлъ онъ совершить таинство св. крещенія надъ моею старшей сестрой — Еленой, какъ тихо и безболѣзненно перешелъ въ вѣчность.

Прибавленіе 1-ое.

Здѣсь, я прерываю нить повѣствованія, хотя она еще далеко не окончена, не окончена даже и первая часть его: но то, что слѣдуетъ далѣе, не представляетъ интереса для посторонняго читателя: главное дѣйствующее лицо всей этой эпопеи — митрополитъ Игнатій — сошелъ со сцены; на сценѣ еще остается его племянникъ — Иванъ Антоновичъ, тоже не мало потрудившійся; но и онъ уже окончилъ свое общественное служеніе и, далѣе, ему предстоитъ жить, какъ частному лицу. Каково же ему жилось, послѣ смерти дяди?

Къ сожалѣнію, отношенія между нимъ и маріупольцами еще болѣе обострились. Они обвинили его и митрополита въ томъ, что ими были утаены 78 тысячъ, выданныхъ имъ, будто бы, Суворовымъ, въ вознагражденіе за оставленное ими въ Крыму имущество. Возникла, по этому поводу, переписка. Суворовъ, конечно, отвѣтилъ, что это суцая ложь и что никакихъ денегъ онъ не выдавалъ. Тогда, они придумали другое. Они возбудили противъ Ивана Антоновича процессъ за землю, которую митрополитъ исходатайствовалъ въ свое личное владѣніе, рассчитывая оставить ее въ наслѣдство племяннику. Но греческій судъ, которымъ, въ числѣ другихъ привилегій, данныхъ греческимъ переселенцамъ, пользовались маріупольцы, рѣшилъ, что земля

принадлежитъ греческому обществу, а митрополитъ могъ пользоваться ею только временно.

Возмущенный ихъ несправедливостью, Иванъ Антоновичъ бросилъ все и, собравъ остатки своего личнаго имущества, переѣхалъ въ Крымъ. Въ окрестностяхъ Бахчисарая, онъ купилъ небольшое имѣніе, гдѣ и поселился съ своей семьей.

Обо всемъ этомъ авторъ повѣствованія говоритъ подробно и не безъ горечи, вполне понятной, такъ какъ потерпѣвшій былъ его отецъ. Но къ чему вспоминать о томъ, что было, прошло и должно быть забыто?

Враждебныя отношенія маріупольцевъ къ его отцу, а отчасти къ митрополиту, онъ объясняетъ тѣмъ, что они были, среди крымскихъ грековъ (по нравамъ, обычаямъ языку—татаръ) совсѣмъ чужими. Къ тому же, не всѣ маріупольцы были настроены такъ враждебно, а только немногіе изъ городскихъ заправилъ, которые и руководили всѣмъ дѣломъ.

Во второй части рукописи, говоря о „нравахъ и обычаяхъ“ тогдашнихъ маріупольскихъ грековъ, авторъ уже относится къ нимъ вполне безпристрастно. Онъ находитъ у нихъ много симпатичныхъ ему чертъ, свойственныхъ вообще патриархальнымъ народамъ, честность, цѣломудріе, почтительность къ старшимъ, искреннее благочестіе, хотя и соединенное съ суевѣріемъ. Въ то же время, онъ смѣется надъ ихъ татарскими обычаями и понятіями, такъ какъ въ теченіе мнолѣтняго рабства, они совершенно ассимилировались съ поработившимъ ихъ, малокультурнымъ, азіатскимъ племенемъ. Такими они были, не только, во время переселенія, но и позднѣе, въ 1-ой четверти минувшаго столѣтія.

Но время дѣлаетъ свое, и теперешніе маріупольскіе греки совсѣмъ не то, чѣмъ были ихъ отцы и дѣды. Маріуполь тоже измѣнился. Въ началѣ минувшаго столѣтія, когда отецъ мой посѣтилъ его, это былъ маленькій чисто греческій городокъ, котораго жители говорили, все еще, по-татарски. Теперь же это торговый городъ, вполне интернаціональный, такъ какъ въ немъ живутъ, кромѣ грековъ, люди различныхъ національностей: итальянцы, юго-славяне, поляки и другіе, не говоря уже о русскихъ, евреяхъ, армянахъ. Самый городъ красиво обстроился: прежнія маленькія, большею частью, деревянныя церкви замѣнились красивыми, новыми храмами. Городъ пользуется пароходнымъ сообщеніемъ (по Азовскому морю) съ другими портами и желѣзнодорожнымъ съ центромъ Россіи. Онъ имѣетъ электрическое освѣщеніе, хорошія мостовыя; однимъ словомъ—пользуется всѣми благами цивилизаціи, относящи-

мися къ городскому благоустройству. Но этого новаго Мариуполя покойный отецъ не зналъ.

Онъ былъ тамъ, впервые, въ 1820 г., на другой годъ, послѣ смерти своего отца. „Мариупольцы,—пишетъ онъ,—приняли меня съ большимъ почетомъ; они, какъ будто, хотѣли, въ лицѣ живого, примириться съ памятью умершихъ“.

Конечно, онъ пожелалъ поклониться могилѣ дѣда. Его привели въ Харлампіевскій соборъ, построенный еще митрополитомъ, вскорости послѣ водворенія грековъ на новыхъ мѣстахъ, и гдѣ, по его завѣщанію, покоились его останки. Онъ нашель эту церковь маленькой, бѣдной и совершенно уже обветшавшей. На мѣстѣ, гдѣ похороненъ святитель, никакого даже самаго скромнаго памятника, а только икона св. великомученика Георгія, вывезенная греками изъ Крыму и, особенно, ими чтимая. Когда онъ сталъ укорять сопровождавшихъ его грековъ и уговаривать реставрировать старую церковь, они дали ему „торжественное обѣщанье“ это сдѣлать. Такъ какъ они говорили, что собираютъ уже деньги, для построенія новаго храма, „то и я,—прибавляетъ онъ,—далъ имъ свою ленту“.

Въ другой разъ, отецъ мой посѣтилъ Мариуполь въ 1849 г. и нашель его очень мало измѣнившимся, за протекшія почти 30 лѣтъ. (Современнаго Мариуполя отецъ уже не видѣлъ). Но здѣсь я приведу слова самого повѣствованія.

„Въѣхавши въ городъ и проѣжая по главной улицѣ, я вдругъ увидѣлъ возвышающійся передо мною, великолѣпный, новый храмъ, недалеко отъ старой Харламовской церкви. Сердце мое болѣзненно сжалось; я догадался, что могила дѣда-святителя осиротѣла. На другой день, отслуживъ обѣдню въ новомъ благолѣпномъ соборѣ, я просилъ священника отслужить панихиду на мѣстѣ, гдѣ покоятся останки дѣда. Засуетились объ отысканіи ключа отъ упраздненной церкви и съ большимъ трудомъ гдѣ-то нашли его. Мы вошли въ церковь и что же увидѣли? Церковь совсѣмъ опустошенная, а на могилѣ святителя, какъ будто нарочно, навалено всякаго мусора, выше человеческого роста. Больно мнѣ было смотрѣть на это, и мы,—я съ дьякономъ и сторожемъ,—принялись было расчищать мѣсто могилы, но, видя, что наши труды ни къ чему не приведутъ, принуждены были стать въ сторонкѣ и молиться“.

Заканчивая этими трогательными строками повѣствованіе моего отца, я считаю долгомъ прибавить, что греки исполнили свое „торжественное обѣщаніе“, данное ими отцу, но это было сдѣлано уже послѣ его смерти. Старая церковь реставрирована

на мѣстѣ, гдѣ покоятся останки митрополита, поставленъ скромный памятникъ, на мраморной плитѣ котораго начертана слѣдующая надпись, которую я приведу дословно:

„Здѣсь покоится приснопамятный святитель Игнатій
24 митрополитъ Готеейскій и Кефайскій
мѣстоблюститель Константинопольскаго
Патріарха въ Крыму
Оттуда увелъ грековъ въ 1777 году
И водворилъ въ Маріупольскомъ округѣ
Испросивъ для нихъ Высочайше
Привилегированную грамоту
Скончался 16 февраля 1786 года
И уцѣлѣвшій до нынѣ“.

По праздникамъ, въ церкви совершается литургія на греческомъ языкѣ. Благочестивые старики и старушки приходятъ молиться у могилы; ставятъ свѣчи и украшаютъ ее цвѣтами.

Прибавленіе 2-ое.

Извлеченіе изъ расписки, выданной духовенствомъ племяннику митрополита, о полученіи отъ него брилліантами осыпанной звѣзды, названной ими (неправильно) панагіей.

„Панагія, на подобіе кавалерійской звѣзды, сдѣлана съ 8 променами (?); въ нихъ 64 луча съ алмазными каменьями, числомъ всѣхъ каменьевъ—большихъ и меньшихъ—500.

По срединѣ финифтяное изображеніе распятія, вокругъ котораго алмазныхъ же камней 31; сверху корона съ 3 большими и 3 малыми алмазами и небольшимъ золотымъ крестомъ. При ней, золотая цѣпка, вѣсомъ въ 28 золотниковъ и, для храненія, футляръ деревянный, обтянутый красною кожею“.

Такъ какъ предметы, служащіе для архіерейскаго служенія или облаченія, не переходятъ къ наслѣдникамъ архіереевъ, то духовенство нашло справедливымъ отобрать эту роскошную звѣзду у наслѣдника митрополита, назвавши ее „панагія“ (Небольшой образъ Богородицы или распятія, который архіереи носятъ на груди). Но понятно, что ни одинъ изъ послѣдующихъ архіереевъ не имѣлъ бы права носить эту звѣзду, данную митрополиту, въ награду за его личныя заслуги. Утрата этого щедраго дара русской Монархини особенно сокрушала Ивана Антоновича.

Еще нѣсколько заключительныхъ словъ.

Появленіе въ печати этой статьи опоздало на цѣлые полъ-вѣка. Она была написана въ 1864 г. (такъ какъ авторъ ея скончался въ 1865 г.). Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ окончательно выработать ее и, тогда же, напечатать. То были иныя времена. Авторитеты церкви и власти не были еще достаточны, и лучшіе люди того времени,—къ которымъ, несомнѣнно, принадлежалъ и авторъ разсказа,—руководились въ жизни принципомъ: „бойся Бога и царя чти“. Какъ далеки они были отъ современнаго стремленія къ свободѣ. Но нельзя имъ поставить въ вину, что они были люди своего времени. Новое время выдвинуло и новыя идеалы. Особеннымъ почетомъ пользуются такія личности, какъ Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій и другіе—*dii minores* дѣятели революціоннаго движенія. Наша прогрессивная пресса неумоимо сообщаетъ и комментируетъ малѣйшіе факты изъ жизни этихъ героев современной дѣйствительности. Кого же можетъ занимать жизнь и дѣятельность монаха-аскета, хотя бы онъ былъ и выдающейся личностью? Но если есть еще, среди нашей интеллигенціи, любители родной старины, что они оцѣнятъ желаніе автора сохранить отъ забвенія эту интересную страничку изъ временъ царствованія Екатерины II-ой—переселеніе христіанъ изъ Крыма и память о виновникѣ этого переселенія—глубоко чтимаго авторомъ—дѣда—последняго митрополита, носившаго титулъ Готтеейскаго и Кефайскаго.

Имъ—этимъ любителямъ родной старины—я посвящаю этотъ разсказъ.

Игн. Ив. Г—овъ.

